

СВЕТ ДУШИ ОЛЕГА ПАНТЮХИНА Отзыв на книгу «Избранные стихи»**

Когда я впервые открыл книгу Олега Викторовича Пантюхина «Избранные стихи», то испытал ощущение простора и света. И первое, и второе — не столько от оформления (хотя и оно значимо), сколько от буквально излучающих свет строк. Известно, что человек познает мир смыслово-интеллектуальным и интуитивным методами. Однако поэты, проходящие через душевные страдания и муки, благодаря своей тонкой и ранимой душе, в той или иной степени, обладают, подобно пророкам, еще и методом откровения свыше. Видимо, синтез всего этого в творчестве автора сборника и послужил основанием для такого восприятия.

Многие пишут стихи для облегчения, изливая накопившиеся в душе чувства, а кто-то и, ставя перед собой «великие цели», — не менее как благодетельствовать человечество. Но первое же стихотворение из сборника О. Пантюхина говорит об особом подходе поэта к творчеству. Он понимает его не просто, как «выброс пара» и, уж тем паче, не как создание «шедевров», где и букву поправить — преступление. Поэт относится к стихам, как к ангелам, слетающим с небес, как к средству, исцеляющему душу.

*Стихи, как капельки росы,
Словами питают душу.*

* Самобытность — талант от Бога (из народной мудрости XX века).

** Пантюхин Олег. Избранные стихи: поэтический сборник / Приложение к журналу «Приокские зори». — Тула: Аквариус, 2015. — 64 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

*Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты...*

...

*И в мир наш, что не верит в чудо,
Прольется луч из чистых слов...*

(«Стихи, как капельки росы...», с. 10)

На какую бы тему не было стихотворение, автор говорит о Любви. Тема, во всех ее аспектах, не новая, но, раскрываемая чувствами, пропущенными через осознание пережитого, делает стихи поэта искренними, а его лирический герой предстает перед нами самобытным и непохожим на других. Без Любви, вмещающей в себя все, говорит он, мир — «бездна пустоты», поэтому сердце человеческое находит «волну любви», ибо «оно ведь и не может жить иначе». Душа, открытая небу, а значит, и высокому чувству, находит Любовь и в «песне дождя», и в быстротекущем мгновении, и в окружающей красоте — «аромате цветов», «просторе бескрайних лугов», — и мир снова наполняется содержанием. «Без полета все вокруг — мука...», — пишет Олег Пантюхин.

Тяжелое восприятие жизни происходит порой из-за непонимания человеком связи времен. Ведь как не может быть будущего без настоящего, так и настоящее невозможно без прошлого. Истинный поэт это хорошо понимает. Поэтому один из центральных, ключевых разделов книги О. Пантюхина — «Память сердца» — посвящен Великой Отечественной войне:

*...Промчалась годов вереница,
И кажется, что никогда
Не будет уж больше им сниться
Проклятая эта война...*

(«Военные сны», с. 30)

Сколько лет прошло, а людям, защитившим нас от уничтожения и рабства, на долгие годы положившим конец войнам на нашей, и не только, земле, не забыть тех тяжелых годин. Ведь это была страшная война: передышек на фронтах практически не было: за все время в общей сложности они составили всего около трех месяцев, а наши общие — военных и гражданского населения — потери в 26,6 милли-

онов человек почти в два раза превысили суммарные потери Германии и ее сателлитов, взятые вместе с потерями наших союзников.

*... Давайте же будем достойны
И памяти будем верны
Людей, победивших все войны,
Героев российской земли!..* («Военные сны», с. 30)

Прошлое наше — это не только память о дальних предках («Блажен, кто предков с чистым сердцем чтит», В. Гете), но и о родителях. Уважение к отцу и матери — крепость для человека, защищающая его в будущем от страданий. Любви к матери посвящает свои стихи и Олег Пантюхин:

*... Одно лишь свойство у письма есть —
Лишь мать так может написать,
Оно способно сердце сына
Своей любовью согреть.* («Письмо матери», с. 31)

Есть такое понятие — близкие. В число их входят и родители, и другие члены семьи, и верные друзья. Близких нужно всегда держать в сердце, помнить и вспоминать, что является процессом постоянной актуализации образов, мыслей и чувств из прошлого опыта.

*...Вспоминайте любимых!
Они рядом всегда —
В ваших мыслях, душе,
В вашем любящем сердце...* («Вспоминайте любимых», с. 34)

Так укореняется человек. Корни его — в родительском воспитании, в малой родине и в детстве. Во многом то, каким вырастет дерево-человек, определяется его ранними годами жизни. Настоящий поэт — проводник высших истин, а таким, безусловно, является Олег Пантюхин, хорошо понимает это. Отсюда и его отношение к своему детству. Свет души автора идет оттуда.

*Я вчера случайно заглянул
В давний и любимый дворик детства,*

*Будто ветер памяти подул и
Стало хорошо и радостно на сердце...*

...

*Знаю, сколько лет бы ни прошло,
От былого никуда не деться.
Чтобы стало на душе светло,
Загляните в старый дворик детства!*

(«Дворик детства», с. 35)

И чем более прочны основы русского человека, тем более болит у него душа за Россию, за народ, болит, конечно, и от всех «хмуростей» наших дней.

*Русская деревня — боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоногом детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня, словно в поле зимнем,
Занустьем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенок малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.
И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?
Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше!*

(«Русская деревня», с. 55)

Поэт как истинный патриот обращается к родной земле:

*Сохрани и спаси
Русская земля!*

(«Зазвони, колокол...», с. 54)

Еще в «Слове о полку Игореве» вся Русская земля объединяется в один конкретный и живой образ — прекрасной и страждущей Родины, что служит призывом всего народа — сверху донизу — к единению,

ибо только единство перед лицом значительных трудностей может спасти и сохранить как весь народ, так и отдельного человека.

Неспокойно на душе у О. Пантюхина — иначе и быть не может — и от мировой несправедливости, от зверств злодеев-террористов. Но он твердо верит:

*... В то, что спасется наша Земля,
Свято верю.
Верю — очистится от беды
Вся планета,
Станет обителью доброты,
Любви и света...*

(«Желтыми листьями октября...», с. 56)

*... Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...*

(«Глоток вины... Так хочется его!...», с. 41)

Автор не только верит, но и знает средство преодоления зла, он воздействует на душу, пользуясь духовной силой слов,— люди, несмотря ни на что, не должны остудить свои сердца.

*... Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно быть негасимым огнем!*

(«Заметает февраль все дороги...», с. 45)

Любовь, которую человек несет в мир, способна не только помочь миру, но обладает исцеляющей силой и для самого человека. Тот, в ком душа полна любви и света, знает об этом.

*... На языке любви
Поговори с природой,*

И в сердце непогоды

Развеются твои. («Октябрьский теплый день...», с. 49)

«Бог есть любовь»*, — говорит нам Священное Писание, учат апостолы и передают в своих произведениях духовные писатели и поэты. Но неправильно думать, что уже не нужно говорить и писать о том, о чем было сказано и написано до тебя. Писатель, поэт, в силу своего жизненного опыта, образования, той или иной степени развития интуиции, благодаря информации, содержащейся в подсознании, своеобразному сочетанию левого и правого полушарий мозга, проникновению в бессознательную сферу психики, может увидеть то, что никто не видел до него в уже исследованной, казалось бы, области — новая сторона, новый оттенок, новое свойство меры. Так и Олег Пантюхин не боится говорить о Боге, о вере, ибо он глубоко — не формально, но и не фанатично-идолопоклоннически, не по-фарисейски — верит в Бога и понимает, что только в Нем и может человек быть человеком. Он считает:

... Каждый сам приходит к Богу,

Чтоб себя не потерять...

(«В храме тихо и просторно...», с. 58)

Добавим — и обрести! Обрести себя настоящего, не половинчатого — только постоянно раскаивающегося и постоянно смиренного, — а цельного, который, наряду с сокрушением о себе, просит у Господа сил на *активную, действенную Любовь.*

ИИСУСУ ХРИСТУ

Страстям мы предаем себя,

А Ты нас любишь до последних вздохов.

В грехах своих, невежестве, пороках

Живем мы, забыв Тебя.

Ты видишь каждый жизни нашей шаг.

* «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. (1Иоан. 4:16)

*Твой Ангел неотступно с нами.
От бед хранит он нас крылами,
Скорбит, когда нас побеждает враг.
О, Боже! Дай же нам любви!
Твоей святой, божественной, незримой!
Ни сердцу, ни душе жить без нее нет силы.
Прости нас, Боже, и благослови!
И в час закатный грешная душа
Почувствует, как луч, Твое прощенье,
Оставив силам вражьим прегрешенья,
Воспрянет, божьей радостью дыша!* (с. 60)

В заключение скажем: автору кое-где еще нужно поработать над стихами, но не это главное. "Поэтическое видение мира, ассоциативность, подчиняющаяся своим особым законам, а не законам логики, и ассоциативная образность — вот что, ... в первую очередь определяет поэзию, а не ритм, строфика, или рифма".* Стихи поэта Пантюхина — это непрерывающийся поток чистой живой воды из родника его души, глубоко поэтической души. И странно, что этого не заметил, такой крупный поэт, как В. Пахомов, который должен был — ради непогрешимой истины — осветить своим авторитетом талант автора сборника, но... не сделал этого, и даже наоборот. Однако подобные странности мэтра не умалили и не умалят ценности стихотворений Олега Викторовича Пантюхина. Мы же только повторим за ним:

*Нельзя шутить с судьбою,
Со случаем шутить.
Ты доброю душою
Всегда старайся жить...*

(«Нельзя шутить с судьбою...», с. 61)

* М. Кудинов, вступительная статья к кн. Вольтер "Стихи и проза", 1987

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ И ЧЕЛОВЕКА (О книге Владимира Пашутина «Савелий»^{**})

Владимира Пашутина до сих пор я знал как композитора, поэта, автора и исполнителя песен. Но вот в руки попала его книга — повесть «Савелий», и я открыл для себя Пашутина-прозаика, и очень хорошего прозаика. Произведение написано качественно, профессионально, но главное даже не это — а каждой строкой, каждым диалогом, любой страницей излучаемая доброта автора, его душевность и любовь как к большой, так и малой родине, к людям, патриотизм.

Владимир Пашутин устами одного из своих героев говорит нам о вечном уважении русских к предкам и о неизбывной черте народа — сострадании: «Эх, Русь, сколько ты потеряла за свою историю драгоценных жизней. Сколько еще остается, и будет оставаться детей-сирот, не познавших ласку своих отцов, вдов...» (Владимир Пашутин, «Савелий», с. 30). Фамилия этого героя — Оуэн, зовут Конн. Он — потомок выходцев с Британских островов, ирландцев, эмигрировавших в Россию еще при Петре I. В нем нет ни капли русской крови, но выбор его — быть русским. Это еще раз подтверждает правоту «Декларации русской идентичности», принятой на XVIII Всемирном русском народном собрании, в которой говорится: «...*Русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа*»^{*}.

И еще очень важный момент. В повести «Савелий» показано истинное отношение — уважение — русских к другим народам и народностям, населяющим нашу большую страну: «Валерий Зубов распорядился делать походные стоянки подальше от аулов, чтобы не стеснять местных жителей людским и лошадиным обилием. С дагестанцами сложились очень хорошие отношения...» (Там же, с. 8).

В произведении хорошо дан образ светлейшего князя Потемкина, самого достойного (фактического) руководителя страны в постпетровскую эпоху, заботившегося, к примеру, о рядовом солдате, как о собственном сыне. Не случайна ответная любовь к нему солдат и офицеров той поры. «Лет десять — пятнадцать тому назад нам заменили сол-

^{**} Пашутин Владимир. Савелий: повесть.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2014.— 102 с.

^{*} Документ принят 11 ноября 2014 года по итогам заседания XVIII Всемирного русского народного собора, посвященного теме «Единство истории, единство народа, единство России».

датскую форму на более удобную. Фельдфебель говорил нам: “Эту форму придумал сам Светлейший Потемкин. Носите на здоровье!”» ... «Особое внимание у него было к русскому солдату. Его реформы в этом деле можно поставить рядом с военными победами Суворова...» (Там же, с. 24—26).

В. Пашутин в течение всего повествования удачно вкрапливает в динамично развивающийся сюжет воспоминания главного героя, Савелия, и множество интересных и полезных исторических сведений, что говорит не только о большой эрудиции автора, но и о понимании им непрерывности и преемственности истории.

Повесть Владимира Пашутина — и о Тульском крае. А как может быть иначе, если он — певец нашей земли: ее столицы — Тулы, городов и сел области, уникальных ее памятников и природных красот, где корни и самого автора, и его дальнего предка — Савелия. В частности, Пашутин пишет о истории дома-усадьбы графа А.Г. Бобринского — жемчужины края, о многих реках и тогдашних селах, о земледелии той поры (Там же, с. 57—60). Он хорошо знает историю Тулы и ее прошлые и теперешние значимые места, в частности: Конный рынок, Храм во имя Двенадцати Святых Апостолов, дворец купца I гильдии В.И. Ливенцева и другие (Там же, с. 75).

Остросюжетность в описании боевых действий и событий во время путешествия — одна из замечательных черт повести. Военная обстановка и действия военных в боевых эпизодах так хорошо передаются, будто автор сам был их участником.

Художественная ценность книги во многом определяется и пейзажными зарисовками. Владимир Пашутин делает это мастерски. Вот описание пейзажа, связанного с обстановкой: «Четверо друзей и не заметили, как наступила ночь. Она была очень темной, в двух шагах ничего не видно. Чуть-чуть рассеивали тьму ближние и дальние костры. Небо заволокли тучи. Луны не было. Поначалу теплый легкий, ветерок стал приобретать силу, и она с каждой секундой увеличивалась. Такая погода настораживала. Друзья поспешили ... в свои расположения. Савелий ... стал ждать полковника...» (Там же, с. 12). Короткими фразами, как художник мазками, автор емко рисует красоту окрестной природы: «Дорога проходила по прикаспийской низменности. Сочная зеленая трава была уже достаточно высокой. “В средней России сейчас бы ее уже косили, а через месяц-полтора устроили бы второй укос”, — подумал Савелий. Со всех сторон доносилось: “Спать пора, спать пора”, — это созывали своих цыплят перепелки. Несколько раз Савелий замечал вдали высоко подпрыгивающую лисицу, охотившуюся за мышами. Высоко в небе пели зяблики. Савелий посмотрел на небо и уви-

дел коршуна, который, прижав к телу крылья, стремительно бросился вниз, и, еще не долетев до земли, схватил свою очередную жертву и, раскрыв крылья, спланировал куда-то в сторону, пропав в высокой траве...» (Там же, с. 17—18). Автор хорошо знает мир животных степного края, в котором разворачивается действие большей части повести и красочно изображает его обитателей.

И уж, поскольку мы коснулись этой темы, то следует сказать и о любви к лошадям — тогдашним постоянным спутникам русского солдата-крестьянина. «Привели свежих лошадей. Одну запрягли в телегу, а другую привязали сзади нее. Лошади, которые шли непрерывно от самого Дербента, были уведены для заслуженного отдыха. Когда их уводили, Савелий каждую нежно погладил и поцеловал на прощание. В глазах у него появились слезы...» (Там же, с. 45). Владимир Пашутин как бы говорит нам — без любви к братьям нашим меньшим не может быть большой души у человека.

Автор и в прозе остается поэтом. О любви главного героя он пишет красиво, с достоинством, ведь это — одно из лучших проявлений в жизни человека. А о диковинке того времени на столе, картофеле, в последствии ставшем вторым хлебом в России, он создает целую поэму. «Господи, не в раю ли я? Что за царская еда!»

Однако повторимся, как бы ни красиво было то или иное описание, созданное Пашутиным, каких бы сведений или событий он ни касался, будь то медицинский осмотр врачом раненного офицера и лечебные действия (Там же, с. 47), или что-то другое, это — прежде всего, профессиональный рассказ писателя, в котором простой природный юмор автора то тут, то там искринками рассыпается по всему произведению...

Вот и закончилась 1-я часть повести «Савелий». Перевернута ее последняя страница, на которой Владимир Петрович Пашутин делает посыл к ее продолжению, ко 2-й части — «Савелий и его потомки». Пожелаем и мы доброго пути автору и его героям!

Критическому реализму жить.

Людмила Авдеева

(«Приокские зори», №3, 2015 г., стр 210)

Поэт Сергей Павлович Сомов представляет читателям свою новую книгу «В сырた́х Урала»**. Само название книги говорит, что автор во всем — в оценках прошлого, в характеристиках настоящего, в прогнозах на будущее — идет от своих корней. И символично то, что они, корни, находятся в самой сердцевине России — Урале. Сборник стихов Сомова, настоящего мастера поэзии,— это воплощение работы его души и сердца, выражающее огромный духовный смысл, накопленный им на долгом жизненном пути. Поэт глубоко проникает в суть событий, в состояния общества и страны, в чувства человека. Каждое его стихотворение взывает к совести, заставляет думать и чувствовать.

*Поэзия! Кораблем будь,
Надежда — парусами,
Любовь к Отчизне — в море путь,
А доплывем мы сами.*

Эти строки можно поставить эпиграфом ко всему творчеству Сергея Сомова.

Не всякий поэт или прозаик устаивается предисловия для своей книги известного критика. «... В поэме «Садовое кольцо», заслуженно выдержавшей уже несколько изданий, во весь рост встает альтер-эго поэта — «малокровки набатно-железных лет», не изгоя, не блудного сына, не размокшего в покаянном всхлипе интеллигента, не ищущего сочувствия показного словесного трюкача, не эпигона, не записного краснобая-плюралитика. Альтер-эго подлинного сына своего трудового века, творца невиданных взлетов и побед страны, соорудившей города новостройки; страны, дотянувшейся до звезд, и страны, подвергшейся смертоносному облучению радиации горбистройки ...»,— пишет в предисловии к поэтическому сборнику Леонид Васильевич Ханбеков.

Может ли настоящий российский поэт не быть нонконформистом?

* Сомов С.П. В сырた́х Урала. С. 4

** Сомов С.П. С 61. В сырた́х Урала. Стихотворения.— М: Голос-Пресс, 2015.— 136 с.

Нет, он по природе своей не может им не быть. Это вовсе не говорит об активном выступлении против существующего положения вещей, но он всегда в своем творчестве будет честно отстаивать интересы народа, его взгляды всегда будут соответствовать народной общественной позиции.

Почему так? А кто кроме пророка-поэта, сердце которого бьется на одной частоте со страной, возопиет о том, что мировая программа, выражающая чьи-то глобальные интересы, поставила нас уже на грань пропасти? Вот выдержки из этой программы*:

«Мы бросим все, что имеем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить. Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность ... Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства ... культ секса, насилия, садизма, предательства ... Мы будем ... способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Честность и порядочность будут осмеиваться ... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, вражду народов — все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмеище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества... Мы будем расширять таким образом поколение за поколением... Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее ...»

Сомов пишет о творцах жесткого и жестокого глобализма:

*... А чикагствующие куркули ...
в нетерпенье:
— Расгни!
Расгни его
на ржавых полюсах Земли —*

* А. Даллес. «Искусство разведки» (пер. с англ.).— М.: Изд-во «Иностранная литература», 1963 г.

*мессианствующего
русонета!*

(Соль аттическая, с. 77)

... — *Нет проблем,
под Калифорнию
расколдуем
Сибирь былинную!*
...

*Дранг нах остен!
С распяьем и мошной —
до Беринга ...*

(Торквемада в гриднице, с. 110)

А что же наш доверчивый народ?

... *Выкатив глаза,
Николки
лезут напролом
на сало
в Даллессовской
мышеловке...*

(Зов Атлантиды, с. 128)

*Они глумятся над тобою.
(И. Бунин. «Родине»)*

«Не то, чтобы я не видела недостатков эпохи социализма — то есть того варианта его построения, который нам довелось наблюдать, но возмущает прежде всего омерзительная неразборчивость — не критики — примитивного огульного оплевывания любых отличительных черт данного исторического периода, вплоть до высочайших и уникальнейших достижений, до сих пор являющихся поддерживающим фундаментом нынешней российской действительности», — пишет Наталья Квасникова.

Сожалеет поэт Сомов об утерянном былом, когда люди были социально защищены и имели возможности для развития и подъема по социальной лестнице вне зависимости от наличия денег, когда нравственность, любовь и сострадание к человеку, доброта и взаимовыручка, которые сейчас, может

быть, живы лишь на заточном, бытовом уровне, преобладали на уровне общественном. Он как писатель отвечает за настоящее время, потому глубоко уважает все то хорошее, что было в нашей стране. И как хорошо, что документы тех лет, опубликованные воспоминания живших тогда людей, литературные и публицистические произведения — ведь это все уже оцифровано — не могут быть выброшены из истории, и потому память о том времени будет жить вечно.

С душевной болью С. Сомов смотрит на разбросанные кругом камни разрушенного здания прошлого. Словно недопетая песня, не реализованная до конца сила, передаются от них автору, он пропускает их через свое сердце и они громко звучат в его стихах, воздействуя на читателя четко выверенным поэтическим словом, не отпуская его внимания до конца чтения.

Кто же повинен в произошедшем сломе и потерях?— спрашивает С. Сомов и отвечает: тогдашние «*Слуги желтого дьявола, / Разрушители*» (Муха-цокотуха, с. 118), которые:

*С бесноватых трибун
родства не помнящие Иваны,
на «совковый» барьер наваясь,
златолобому да Мамоне
гремят осанну
под сурдинку
«Что делать,
войдя во власть?..»*

(Соль аттическая, с. 77)

*— Всем по ваучеру!
Не расфордзонитесь —
на себя пеняйте...
А на визит
к Всевышнему
аккурат.*

(Отчет семерке, с. 91)

*... — Упечь бы эту
«Рашку»,
куда Макар телят не гонял,
по бушевско-кемпдэвидской
отмашке...*

(Повелитель сущего, с. 14)

Да, констатирует поэт, «с такими друзьями / враги уже не нужны» (Соль аттическая, с. 77) и задает вопрос:

... Тавро какого Чикатилы
Шагрень душонок их
клеймило?! ...

(Пост номер один, с. 31)

Вот и выросло нынешнее поколение, какое выросло — «поколение пепси». Так и назвал автор 1-ю часть своей книги.

«Горький сказал: “Человек — это звучит гордо!” Плюнем в Горького презрительно-глупым словечком “совок” — и готово: замороженные люди, к сожалению, даже не только молодежь, обсмеют цитату. “Над чем смеетесь”, несчастные?— “Над собой смеетесь!”» — считает Н. Квасникова.

В своих стихах Сомов сострадает ко всем оскорбленным и униженным гражданам России, но всегда видит перед собой конкретного человека, а не человечество в целом.

Вымираем.
По миллиону в год.
Изласкали «оттепели»
гиперборейское древо ...

(«Революций в России не будет...», с. 22)

... Где-то там,
в Прибайкалье,
в конуре из панельных льдин,
на решетке чугунной
вымерз
некто Аистов —
бывший гвардеец,
штурмовавший Берлин,
вечный должник
чубайсов... (

«Революций в России не будет...», с. 25)

Но еще недавно и сама Россия была не менее унижена:

... Глобализм...
это не вода и вилы.
Зубы хищника

острее пилы.
Обескрыленные.
Стоим.
С Курилами
из-под полы ...

(Пост номер один, с. 32)

Эта черная роза...
Ветра, ветра.
Русь моя!
влет
подбитая птица безвременья...

(Градоглуповский мироед, с. 83)

... Русь святую
умыли
смердяковщиной
солженицынских «былей»?! ...

(«Пятилетка — в четыре года...», с. 100)

«Писательство и общественная жизнь — явления взаимосвязанные. Широко известно: в своем творчестве писатель отражает в той или иной степени события и явления, которые происходят в обществе и значимы для его развития. Вместе с тем, творческая деятельность мастера слова воздействует на общество и на взгляды, которые становятся стержнем общественной мысли», — пишет Ирина Кедрова.

Вот и поэту Сергею Сомову видно несоответствие модели «либеральной, мониторингистской экономики», неадекватного «рыночно-капиталистического разума» и «безумного своекорыстия», ведущих мир к самоуничтожению, самой сути России и народов, населяющих ее. До еще недавнего времени Россия на всех парах мчалась в этом направлении «вперед планеты всей»... Но постепенно, и более всего в последние годы, страна приходит к осознанию своего особого места в мире и пути развития.

Сейчас многие отмечают феномен Путина. Сожженная Россия, подобно птице Феникс, возрождается из пепла. «Позиция властей по этой важной для любой страны, для любого народа проблеме в последние годы изменилась — и резко...» — говорит Леонид Ханбеков. Однако сказать — так было, но больше не будет, или: «Кончено с Божьей по-

мощью»* пока с полной уверенностью, к сожалению, нельзя. Много еще недобрых факторов действует в нашей жизни.

Автор наверняка согласится с нами, что все революции, в том числе и разрушение Советского Союза — это губительный путь. Однако темы, поднимаемые поэтом — отличный материал для накопления энергии эволюционного движения.

Зов Небесной России побуждает С. Сомова, несмотря на постигшую нас в прошлом катастрофу, верить в наше положительное будущее, в преобразование многих переживаний, страданий, потерь в светлый путь восхождения. Он много думает о будущем России:

*... Порой в трясиновый
сорвется юз
грядущей
Руси пята...*

(Повелитель сущего, с. 16)

*... Снова Русь
«меж двух враждебных рас»,
как набат,
как пароль,
как тревожное эхо...
С кем «за други своя»
ты на этот раз,
Россия XXI века?*

(«Революций в России не будет...», с. 24)

В самом начале нашего отзыва мы писали о глубоких корнях Сергея Сомова. В чем же они? Прежде всего — в памяти детства, которое завораживающе притягивает нас, подпитывает нас энергиями земли, дружбы, родительской любви и новизной знания...

*Этот миг апрельской рани,
склянь разлужий
до поры,
чащи в сполохах тумана,
буйство польмя зари!
Глыбой в омут — тяжесть с сердца*

* Игнац Мошелес, ученик Бетховена.

*горьких дум, тревог, обид...
Мне навстречу, вижу, детство
вдоль кювета семенит.*

(Детство, с. 44)

Память войны также укореняет человека поколения Сомова, либо захватившего своим детством те лихие годы, либо родившегося в послевоенные годы, когда родительские судьбы так тесно были связаны с ней — с войной.

*Был солдат тот
безус и брав,
хоть судьбою, видать,
не заласкан —
за спиной вещмешок
и пустой рукав
сколом
статуи галикарнасской.*

(Память, с. 45)

А как значима малая родина в «корневой системе» человека! Сколько об этом говорилось и писалось, но тема эта никогда не будет избитой, а, напротив, всегда будет живой и близкой, как близок нам отчий дом, наша родная земля, где мы появились на свет.

*... Мать-земля
и я — ковыльная остинка
под напряженным
светом
капельки росы ...*

(Лакесис, с. 50)

*... Брезжит
сквозь годов скуделье
росных зорь
мой отчий край.
Сиротеет,
прикорнувши,
старый дом в сиянье грез.
Ах, как исцеляет
душу
пенный водомет берез!*

(«Где же ты, тех дней звонкоголосье...», с. 53)

*... Но все
неодолимее*

*твое притяжение,
отчий дом.*

(Преодоление, с. 56)

*... Этот табор халуп
под нагонной
волн сосняка —
словно беженцы у черты последней,
эти
мышцей
простертые облака —
твой вселенский исход
и твоё наследие ...*

(Дом у дороги, с. 71)

Сомов — самобытная личность, это видно в каждом его стихотворении. Об этом говорит и глубокая лиричность поэта, казалось бы, с головой ушедшего в социальные и общественные темы. Но разве может истинный художник не подметить красоту, не взволноваться городским или природным пейзажем? А светлая радость и высокая грусть, которые дарует нам любовь к женщине? Все это сполна присутствует в поэзии мастера.

*Стелет тени косые
вдоль хат луна,
озеркаленная таровато.
С кровли,
в пряже антенной,
неистовствует
одна
Бетховеновская соната ...*

(Кегельбан, с. 38)

*... Там
на росстаневоу глади,
в блеске следа
от саней
под озонным ливнем ладит
колесницу Весновой.
Он промчится
близ купели,
где на холмных берегах
целый день
холстины белит —
Марьюшка-зажги снега ...*

*Как отторгнутый
свет угасших звезд
с высоты мироздания,
до сих пор
мне маячит
в юдоли слез
твоих глаз
сияние.*

(Динго, с. 51)

*В сторожке
о восьми углах,
вдали от треволнений прежних,
да будет жизнь твоя светла!
Как этот
мартовский подснежник.*

(Жизнь — светла, с. 52)

Кому-то может не понравится форма стихотворений Сомова, но каждый поэт пишет так, как чувствует, пишет своим неповторимым стилем, в такт биению своего сердца. Обилие образов и ассоциаций, способность мощно влиять на сознание, а порой и на подсознание читателя,— вот еще черты, характеризующие поэзию Сергея Сомова.

Подлинный мастер стиха, он каждую строку, строфу, каждое стихотворение пишет, как самое важное и последнее. Это происходит от того, что в основе его стихов лежит любовь — к Родине, земле, к каждому уголку отчего края, к народу и конкретному человеку, а не столь модное ныне стремление к успеху во что бы то ни стало, поэтому его стихи так близки читателю.

А вот близки ли они многим деятелям современной российской культуры? Потому Сергей Сомов задается вопросом:

*С кем вы, премногоуважаемые
мастера культуры?
Родина — зовет! ...*

(Градоглуповский мироед, с. 83)

Ведь «... человек живет и творит не для себя, не для собственного удовольствия, даже не для своего потомства — продолжения рода, а для продолжения всего человечества в лучших его качествах...»,— устами одного из своих героев говорит Алексей Яшин. Мы полностью согласны с ним, и это можно отнести ко всему творчеству поэта Сергея Сомова.